

УДК 811.161.1
DOI 10.52452/19931778_2022_3_190

СМЫСЛЫ АГНОНИМОВ В РАССКАЗЕ В. ШУКШИНА «СУРАЗ»

© 2022 г.

Чжан Сяо

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

894595981@qq.com

Поступила в редакцию 28.02.2022

Цель статьи – рассмотреть механизм понимания читателем смыслов незнакомых ему слов (агномимов) при восприятии текстов. В ходе работы установлено, что читатели способны к восприятию смыслов русских агномимов без словарей: по мере чтения смысл каждого из агномимов может постепенно уточняться в сознании получателей под влиянием взаимодействия морфологических, синтаксических, словообразовательных, контекстных и фонетических показателей.

Ключевые слова: русские агномимы; показатели смыслов агномимов; морфологические показатели; синтаксические показатели; словообразовательные показатели; контекстные показатели; фонетические показатели.

При чтении многих литературных произведений на русском языке некоторые читатели, в том числе и носители русского языка, несомненно, сталкиваются со словами, которые им неизвестны или малоизвестны [1]. Такие слова, как пишут В.В. Морковкин и А.В. Морковкина, называются агномимами [2]. Это лексические и фразеологические единицы языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям [3, с. 86].

Наличие в тексте агномимов может затруднить понимание некоторого предложения или фрагмента текста и может даже помешать читателям воспринять целый текст [4–6]. Это обстоятельство отмечают ещё в работах Г.М. Мандриковой, Н.С. Молчановой, Б.Ю. Нормана [7–9] и Е.О. Савиной, В.Д. Черняка [10–12]. Однако читатели должны осознавать, что без обращения к словарям они могут понимать смыслы агномимов, употребленных в тексте, на основании формы этих агномимов и контекста, где находятся эти слова. Целью настоящей статьи является определение способов, которые способны помочь читателям уточнить в своём сознании смыслы агномимов. Работа выполнена на материале рассказа В. Шукшина «Сураз».

Ниже мы опишем пять показателей смыслов агномимов в последовательности, соответствующей частоте их появления в рассматриваемом тексте [13].

1. Наиболее часто встречающимися показателями смыслов агномимов являются **морфологические показатели**, включающие в себя референциальные морфологические значения, т. е. значения, «отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности», а не «связь словоформ в составе словосочетаний и

предложений» [14, с. 122]; ср. [15, с. 124]. На основании морфологических показателей смыслов агномимов обнаруживается, к какой грамматической категории принадлежит слово. Если слово принадлежит к категории существительных, то читателю становится ясно, что оно означает некий предмет. Аналогичным образом агномимы-прилагательные воспринимаются как обозначения признаков предмета, агномимы-глаголы – как обозначения процессов и т.п. В некоторых случаях необходимо также обратить внимание на значения числа существительных, вид и время глаголов и т. д. Морфологические показатели обеспечивают восприятие читателями смыслов агномимов на начальном уровне, более точное понимание этих смыслов получается при последующем чтении.

2. **Синтаксические показатели** включают в себя так называемые реляционные морфологические значения, т. е. значения, «указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений» [14, с. 122]. На основании синтаксических показателей читатели могут определить, каким членом предложения является каждый из агномимов, т. е., например, выступает ли референт агномима в роли производителя действия, объекта или адресата действия, инструмента и т. д.

3. **Словообразовательные показатели** указывают читателям, из каких морфем образован агномим – какой в нём корень, какие словообразовательные суффиксы и приставка. Очевидно, что каждый словообразовательный аффикс имеет своё значение, например, многие глаголы с приставкой *пере-* означают ‘направление действия через что-нибудь; осуществление действия заново и др.’ [16, с. 490] и глаголы с суф-

фиксом *-ану-* (фонемат. [ану]) имеют значение «однократно и, как правило, интенсивно или экспрессивно, резко совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [17, с. 347].

4. **Контекстные показатели** помогают читателям понимать лексические значения агнонимов на основе содержания текста, где эти слова употреблены. По мнению Г.В. Колшанского, имеются микроконтексты и макроконтексты. Микроконтексты ограничены рамками предложений, в них все компоненты связаны в основном грамматически. Макроконтексты выходят за пределы предложений и, как правило, связаны с рассматриваемой языковой единицей семантически [18, с. 45]. Ввиду этого мы можем разделить контекстные показатели на микроконтекстные и макроконтекстные показатели.

Смысл агнонима, который возникает в контексте, иногда отличается от значения того же агнонима в словарях [19]. Как пишет Б.Ю. Норман, «смысл высказывания (и целого текста) складывается из многих компонентов, и значения слов участвуют в этом процессе наряду с иными составляющими. В таком случае получается, что значение слова подчиняется смыслу целого высказывания» [20, с. 203–209].

5. **Фонетические показатели** – это близость фонетического (и соответствующего ему графического) облика слова облику слова, которое известно получателю и входит в состав литературного языка. Фонетические показатели являются редким показателем смыслов агнонимов. Как правило, они встречаются в текстах, отражающих диалектное или просторечное произношение слов. В целом тексте рассказа «Сураз» встречаются только три агнонима, смыслы которых читатели могут понять на основании фонетических показателей. Это *што* – ‘что’, *ить* – ‘есть’ и *аванец* – ‘аванс’.

Всё сказанное позволяет нам перейти к рассмотрению использования показателей смыслов агнонимов в рассказе В. Шукшина «Сураз». Рассказ повествует о нелепой и одновременно трагической жизни молодого сибирского деревенского жителя Спирьки Расторгуева. Причина этого трагизма – неприятие Спирькой традиционных моральных ценностей, эгоцентризм и неумение прогнозировать последствия собственных поступков. Описываемые события происходят в типичной для второй половины XX века советской деревне, и потому в прямой речи Спирьки и других персонажей рассказа немало диалектизм, просторечных слов и жаргонизмов, т. е. слов, которые могут быть незнакомы многим читателям. Однако и речь повествователя, когда речь идет о Спирьке, содержит свойственную этому персонажу лексику или, в тер-

минологии Б.А. Успенского, отражает точку зрения персонажа «в плане фразеологии» [21].

Причины насыщенности рассказа Шукшина агнонимами понятны: автор стремился описать события рассказа через их восприятие главным персонажем. Однако очевидно и то, что Шукшин не планировал сделать изложение непонятным читателю. Поэтому все слова, которые могут быть восприняты читателем как агнонимы, употреблены в рассказе так, что читатель достаточно легко может найти в тексте показатели смыслов агнонимов [22].

Не требует особой аргументации тот факт, что агнонимы – понятие относительное: одним читателям некоторые неопределенные слова и значения слов, вероятно, знакомы, а другим – нет. Поэтому с целью объективного выбора для анализа тех слов, содержание которых может быть неизвестным многим читателям, мы будем опираться на «Малый академический словарь» [23] и на «Толковый словарь» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [16], в последующем тексте мы введём в употребление сокращения МАС и ТСОШ. Условимся считать агнонимами те слова или значения слов, которые либо отсутствуют в обоих словарях [24, с. 5], либо квалифицированы в них как областные (помета *обл.*), просторечные (помета *прост.*) или устарелые (помета *устар.*).

Ниже мы проанализируем содержание некоторых агнонимов, встретившихся в рассказе «Сураз», в порядке их появления в тексте.

(1) *Сураз* (название рассказа).

Слова *сураз* нет в словарях русского литературного языка. На основании морфологического показателя – принадлежности этого слова к категории существительных – читатель может понять его смысл всего лишь как ‘некий предмет’.

Кроме того, некоторые из читателей, возможно, усмотрят в названии рассказа еще и словообразовательный показатель – наличие того же корня, что и в литературном слове *несуразный* – ‘нелепый, нескладный’ [16, с. 405]. При восприятии этого показателя слово *сураз* может быть понято как ‘предмет, обладающий красотой’.

В ходе последующего чтения текста рассказа под влиянием макроконтекстных показателей смысл рассматриваемого слова в сознании читателей будет уточняться. Рассказ начинается словами:

Спирьке Расторгуеву – тридцать шестой, а на вид – двадцать пять, не больше. Он поразительно красив: в субботу сходит в баню, пропарится, стащит с недельную шоферскую грязь, наденет свежую рубаху – молодой бог!

Это начало как будто бы подтверждает восприятие слова *сураз* как ‘предмет, обладающий

красотой' и даже уточняет его, заставляя воспринимать данное слово как 'красивый человек, красавец'.

Однако в последующем тексте читатель встретит и еще один макроконтекстный показатель:

Спирька закурил.

– Я – сураз, – начал он.

– Как это? – не поняла Ирина Ивановна.

– Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил.

Из данного фрагмента вытекает, что диалектное слово *сураз* означает 'незаконнорожденный ребенок', что, впрочем, не отменяет и представления о значении слова *сураз* как 'красавец'. Возможно Шукшин намеренно использовал в качестве характеристики своего героя слово, допускающее два разных понимания, которые одинаково справедливы по отношению к Спирьке Расторгуеву.

(2) Он поразительно красив: в субботу сходит в баню, пропарится, стащит с недельную шоферскую грязь, наденет свежую рубашку – молодой бог! Глаза ясные, умные... Женственные губы ало цветут на смуглом лице. Сросшиеся брови, как вороньего крыла, размахнулись в капризном изгибе. Черт его знает!.. Природа, тоже иногда шутит. Ну зачем ему? Он и сам говорит: «Это мне – до фени». Ему все фени. Тридцать шесть лет – ни семьи, ни хозяйства настоящего. Знает свое – *машинничать* да к одиноким бабам по ночам шастать. *Шастает* ко всем подряд, без разбора. <...> Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошел шоферить. Так жил Спирька.

Выражение *до фени* может быть воспринято как агноним, поскольку является просторечным. Читатели могут уточнить смысл данного агнонима благодаря в первую очередь макроконтекстному показателю – в рассматриваемом фрагменте находится предложение *Ну зачем ему?*, с помощью которого выражено отношение Спирьки к красоте. При восприятии этого показателя агноним *до фени* читатели могут понять в значении сказуемого – 'безразлично'.

По словарям русского литературного языка слово *машинничать* не найдено. Некоторые читатели могут уточнить смысл этого агнонима под влиянием морфологического, словообразовательного и макроконтекстного показателей. Прежде всего, на основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов – читатель может воспринимать его как 'некое действие'. Далее, некоторые читатели смогут усмотреть в данном слове словообразовательный показатель – его связь со словом *машина*, который является многознач-

ным: '1. Механическое устройство; 2. Об организации, действующей подобно механизму, налаженно и четко; 3. Автомобиль; 4. У спортсменов: мотоцикл, велосипед' [16, с. 339]. Наиболее распространенное значение слова *машина* – 'автомобиль'. Кроме этого, читатели могут уточнить смысл данного агнонима еще под влиянием макроконтекстного показателя – в данном фрагменте находится фраза *пошел шоферить*. Из всего сказанного выше следует, что читатели могут понять агноним *машинничать* как 'работать шофером, водить машину'.

Слово *шастать* может быть воспринято некоторыми читателями как агноним по причине того, что оно квалифицировано в МАС и ТСОШ как просторечное. Под влиянием морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов – читатель может понять его смысл как 'некое действие'.

Возможно, читатель поймет смысл агнонима *шастать* при помощи синтаксического показателя – предлога 'к', который часто присоединяет к глаголам существительные в дательном падеже, обозначающие направления движения [23, т. 2, с. 9]. При восприятии этого показателя агноним *шастать* может быть понят как обозначение процесса движения. В этом фрагменте словоформа *шастает* – глагол несовершенного вида в форме настоящего времени – обозначает действие как процесс в его длительности или повторяемости [17, с. 581]. В таком случае *шастает* может быть понят как 'периодически повторяет перемещения в определенном направлении'.

(3) – Спирька, дурак ты, дурак, хоть рожу свою пожалей! К кому *попёрся* – к Лизке корявой, к *тёрке*!.. Неужели не совестно?

– С лица воду не пить, – резонно отвечает Спирька. – Она – *тёрка*, а душевней всех вас.

Слово *тёрка* имеет в словарях русского литературного языка значение 'предмет кухонного обихода – пластинка с острой насечкой и отверстиями (служит для измельчения чего-л. трением)' [23, т. 4, с. 357]. Однако в данном контексте оно употреблено по отношению к женщине. Следовательно, перед нами употребление слова *тёрка* в смысле, не соответствующем его значению в литературном языке. Слово, употребленное в неузальном смысле, тоже можно считать агнонимом. Смысл агномического употребления *тёрка* удастся определить по микроконтексту, это 'женщина некрасивая, лицо которой похоже на *тёрку*'. Здесь использована метафора: некрасивая женщина названа *тёркой*, потому что её лицо похоже на *тёрку*, т.е. рябое.

(4) А ночью рвала на себе волосы и выла над сыном; она *прижила* Спирьку от «проезжего

молодца» и болезненно любила и ненавидела в нем того молодца.

Слово *прижить* есть в словарях русского литературного языка и может быть воспринято как агноним по причине того, что в этом рассказе оно употребляется в том значении, которое квалифицировано как просторечное – ‘находясь в сожительстве, родить, произвести на свет ребёнка (обычно о женщине)’ [16, с. 580]. Однако как воспримут содержание этого слова читатели, с ним незнакомые? На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов совершенного вида в форме прошедшего времени – *прижила* может восприниматься как ‘некое действие, которое уже произошло’. Далее, читатели могут в своём сознании уточнить смысл данного агнонима на основании словообразовательного показателя – наличие приставки *при-* в значении ‘присоединения, добавления’ [25, с. 366–367]. Кроме того, под влиянием микроконтекстных показателей смысл рассматриваемого агнонима еще больше конкретизируется. Благодаря употреблению в данном фрагменте слов *сын, любила* и словосочетания *проезжего молодца* слово *прижить* может быть понято как ‘родить, вне брака произвести на свет ребёнка’.

(5) – Спирька, каждый твой выстрел – лишней год! – кричали ему.

– Считайте – сколько?! – отвечал Спирька. И из окошечка *брызгал* стремительный длинный огонь, гремело. Потом он протрезвился, смертельно захотел спать... Выкинул ружье и вышел.

Слово *брызгать* есть в словарях русского литературного языка. Мы рассматриваем данное слово как агноним по причине того, что в этом фрагменте слово *брызгать* употребляется в том значении, которого нет в ТСОШ и МАС. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – смысл слова *брызгать* может восприниматься как ‘некое действие’. По макроконтексту получается, что у Спирьки было ружье и он стрелял. При восприятии макроконтекстного показателя читатели могут понять агноним *брызгать* как ‘стрелять очень часто’, т. е. в этом предложении использована метафора – *брызгал стремительный длинный огонь* означает, что Спирька стрелял так часто, как будто разбрасывал капли воды.

(6) Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера *пластаться* там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам.

Слово *пластаться* может быть воспринято как агноним по той причине, что оно употреблено в переносном значении. В словарях литературного русского языка слово *пластаться*

имеет такие значения: ‘1. плотно прижиматься всем телом к земле при передвижении; 2. Стлаться, плотно прилегая к чему-л; 3. *Страд.* к *пластать*’ [23, Т3, с. 134]. Смысл данного слова может восприниматься на основании морфологического показателя – принадлежности слова *пластаться* к категории глаголов несовершенного вида – его смысл может быть понят как ‘производить некое действие, которое может повторяться и длиться какое-то время’. Под влиянием микроконтекстного показателя читатели могут более точно понять смысл данного агнонима. По контексту получается, что Спирька за день мог заготовить в лесу машину дров, чтобы привезти её каким-нибудь одиноким старикам. Таким образом, здесь *пластаться* означает ‘тяжело работать’.

(7) – Вы здешний?

– Здешний. *Чалдон*.

Слово *чалдон* может быть понято как агноним, потому что в словарях его значение квалифицировано как областное. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – читатели могут воспринимать его смысл как ‘некий предмет’. Под влиянием макроконтекстного показателя читатели легко уточнят смысл данного агнонима – в данном фрагменте совпадают смыслы слов *чалдон* и *здесьний* (человек, который родился и живёт в одном месте, т. е. в этом рассказе – в Сибири). Таким образом, читатели могут понять слово *чалдон* как ‘коренной житель Сибири’.

(8) – Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю ездил собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил,

– Вы знаете его?

– Ни разу не видал, как мать *забрюхатела*, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу.

Слова *забрюхатеть* в МАС и ТСОШ нет. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов в форме прошедшего времени – смысл слова *забрюхатеть* может восприниматься в создании читателей как ‘некое действие, которое уже произошло’. Некоторые читатели, возможно, усмотрят в данном слове словообразовательный показатель – глагол *забрюхатеть* образован от существительного *брюхо* с приставкой *за-*: слово *брюхо* означает ‘живот человека’ [16, с. 58], а глаголы с приставкой *за-* имеют значение ‘доводить – довести действие до результата’ [17, с. 585]. Под влиянием макроконтекстного показателя читатели могут понять смысл данного агнонима. Из макроконтекста известно, что *мать прижила Спирьку от*

проезжего молодца. С учетом этого показателя рассматриваемый агноним читатели могут понять как ‘забеременела’.

(9) – Вы знаете его?

– Ни разу не видал, как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу. Наверно, *вышку навели*. Ну, и стал я, значит, жить-поживать...

Выражение *вышку навели* может быть воспринято как агноним. Читатели могут понять смысл данного слова на основании макроконтэкстного показателя. По контексту получается, что Спирькин отец был арестован и из тюрьмы не вернулся. Таким образом, смысл данного слова может быть понят как ‘был убит’. Кроме этого, для некоторых читателей, которые знают словосочетание *высшая мера наказания* ‘смертная казнь’, в данном агнониме есть ещё и словообразовательный показатель. Таким образом, агноним *вышку навели* может быть понят как ‘произвести смертную казнь, расстрел’.

(10) Отсыревший к вечеру, прохладный воздух хорошо свежил горячее лицо. Спирька шел, курил. Захотелось вдруг, чтоб *ливанул* дождь – обильный, чтоб резалось небо огневными зубринами, гремело сверху... И тогда бы – заорать, что ли.

Слова *ливануть* нет в словарях русского литературного языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории глаголов в форме сослагательного наклонения – читатели могут воспринимать его смысл как ‘некое предполагаемое действие’.

В этом слове некоторые читатели усмотрят словообразовательный показатель – наличие суффикса *-ану-* – формообразовательная единица, образующая формы совершенного вида глаголов первого спряжения со значением: не только однократно, но и резко, неожиданно или интенсивно совершить действие [17, с. 349], и перед данным суффиксом стоит корень *ли-*, который выражает значение ‘лить’. Ввиду этого читатели могут уточнить смысл рассматриваемой словоформы в своём сознании как ‘неожиданно начался бы дождь’.

(11) А когда через два дня, тоже ночью, пришел к Нюре, она накинулась на него:

– Ты *што*, Спирька, змей полосатый, в тюрьму меня захотел посадить?! Сам хочешь сытый ходить, а к другим подбрасываешь?..

Слова *што* в МАС и ТСОШ нет, мы можем считать его агнонимом. Некоторые читатели могут понять смысл слова *што* при помощи фонетического показателя – фонетика слов ‘*што*’

и ‘*что*’ почти совпадает. Таким образом, слово *што* имеет то же значение, как и слово *что*.

(12) – Тебе. Им же *исть* надо! – Про детей Нюриных. – Голодные же сидят...

Слова *исть* нет в МАС и ТСОШ. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – смысл слова *исть* может восприниматься как ‘некое действие’. Ещё под влиянием микроконтэкстного показателя смысл слова *исть* может быть уточнено как ‘есть, кушать’. Кроме этого, по фонетическому признаку читатели могут узнать, что слово *исть* равно ‘*есть*’.

(13) – Ох, – скокетничал Спирька, – труд! Мимо езжу, их там хоть *литовкой* коси...

Слово *литовка* может быть воспринято как агноним, поскольку является областным. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – слово *литовка* означает ‘некий предмет’. Далее, важен синтаксический показатель – рассматриваемое слово употреблено в форме творительного падежа и может быть понято в значении ‘инструмент’ [25, с. 434]. И по микроконтэксту ‘*литовкой коси*’ получается, что данное слово означает ‘инструмент, которым косят’. Таким образом, слово *литовка* может быть понято как ‘разновидность косы’.

(14) – Достань в печке – картошка жареная, в сенях молоко... Поешь на дороге-то. – Ладно, я с собой возьму, – Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружье, повозился для *близира* в сенях... Зашел в избу (ружье в сенях оставил). Стал на *притечек*, нашел впотьмах голову матери, погладил по жидким теплым волосам. Он, бывало, выпивши ласкал мать; она не встревожилась.

Слово *близир* может быть воспринято как агноним, поскольку является просторечным. Благодаря морфологическому показателю – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может восприниматься как ‘некий предмет’. На основании синтаксического и макроконтэкстного показателей читатели могут уточнить смысл данного слова. Предлог *для* указывает на употребление слова *близир* для обозначения цели действия, а из того, что действия Спирьки были направлены на то, чтобы отвлечь внимание матери, получается, что данное слово означает ‘для видимости’.

Слово *притечек* может быть понято как агноним по той причине, что оно квалифицировано в словарях как областное. На основании морфологического показателя – принадлежности этого слова к категории существительных – данный агноним означает ‘некий предмет’.

Некоторые читатели могут усмотреть в слове словообразовательный показатель – слово *припечек* образовано от слова *печь* с префиксом *при-*, существительные с которым называют место, пространство, непосредственно прилегающее к тому, что названо мотивирующим словом [17, с. 232]. Таким образом, смысл данного агнонима может быть понят как ‘некий предмет, находящийся перед печкой’. Далее, по макроконтексту получается, что слово *припечек* означает ‘место перед печкой’.

(15) Кладовка не запиралась: шпагатная веревочка накидывалась петелькой на гвоздик, и все, – чтоб дверь сама не открывалась.

<...>

Только сердце наколачивает в ребра. «Спокойно, Спиря!» *Шпагатинка* тоже почти бесшумно лопнула, только гвоздик, спружинив, тоненько тенькнул.

Слова *шпагатинка* нет в словарях русского языка. Читатели могут его понять при помощи морфологического и макроконтекстного показателей. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может восприниматься как ‘некий предмет’. Контекстный показатель данного слова есть в предшествующем тексте. По контексту получается, что слово *шпагатинка* означает ‘шпагатная веревочка’.

(16) Пахнуло старушечьим жильем, отсыревшим полушубком, теплой печкой, тестом... Вот тут его *давеча* волок за шкуру. Пронеси, господи, – чтоб старики не проснулись. Страшно стало: что-нибудь сейчас помешает. «Ах, как он меня бил! Как бил!.. Умеет».

Слово *давеча* есть в словарях с пометой «просторечное». Читатели могут понять его смысл с помощью макроконтекстного показателя. По контексту получается, что в этом доме несколько часов назад Спирьку бил учитель – данный агноним может быть понят как ‘несколько часов назад, недавно’.

(17) – Не надо!! – кричала женщина, и мотала головой, и все хотела обнять его ноги и ползала без трусов – рубашка сбилась ей на спину, она не замечала того – всё хотела поймать ноги Спирьки.

Спирька растерялся, *отпинывал* женщину...

Слова *отпинывать* нет в словарях русского языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – смысл его может быть понят как ‘некое действие’. Кроме того, читатели усмотрят в слове *отпинывать* словообразовательный показатель – данный агноним образован от глагола *пинать* с приставкой *от-* и суффиксом *-ыва-*, глаголы с приставкой *от-* означают

‘удалить(ся) на некоторое расстояние, отделить(ся) от чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ [17, с. 362], и глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ыва-* означают многократность действия, мотивированные глаголами несов. вида [17, с. 348].

Кроме этого, читатели могут уточнить смысл рассматриваемого слова ещё под влиянием макроконтекстного показателя. По контексту получается, что слово *отпинывать* означает ‘отталкивать ногой’.

(18) Спирька побежал скорее. Прибежал на кладбище, сел на землю. Темно было. Он приладил стволы к сердцу... Дотянулся до курков. Подумал: «Ну!.. Все?!» Пальцы нащупали две холодные тоненькие *скобочки*...

Слово *скобочка* есть в словарях русского языка, но оно может быть воспринято как агноним по той причине, что употреблено в переносном значении. На основании морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории существительных – его смысл может восприниматься как ‘некий предмет’. Под влиянием макроконтекстного показателя – предложения *Дотянулся до курков* – читатели могут уточнить смысл данного слова. По контексту получается, что *пальцы нащупали два холодных тоненьких курка*. Итак, слово *скобочки* означает курки – по форме они похожи на скобки.

(19) Только прочь с кладбища, от этих крестов и молчания. Он стал вслух, незло *материть* покойников:

– Лежите?.. Ну и лежите! Лежите – такая ваша судьба. При чем тут я-то? Вы лежите, а я малость еще побегаю по земле. Покружусь...

Слово *материть* может быть воспринято как агноним, поскольку является просторечным. В первую очередь с помощью морфологического показателя – принадлежности данного слова к категории глаголов – читатели могут понять его смысл как ‘некое действие’. По микро- и макроконтексту получается, что данный агноним означает ‘ругать’. Более точное значение для тех, кто незнаком с этим словом, остаётся неясным.

(20) Радости поубавилось. – Ладно, ладно, ладно, торопливо сказал он. – Не надо про это, – И еще налил полстакана, чтоб не успеть подумать еще про учительницу, чтоб не вспомнить ее. Но она вспомнилась – маленькая, *полуголенькая*, насмерть перепуганная... Все-таки вспомнилась.

Слова *полуголенькая* (*полуголенький*) нет в словарях русского литературного языка. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории прилагательных – смысл этого слова может быть понят как ‘признак предмета’. Некоторые из

читателей усмотрят в нём словообразовательный показатель – слово *полуголенький* образовано от прилагательного *голый* с приставкой *полу-*, которая имеет значение: ‘первая составная часть сложных слов, обозначающая: 1) половина чего-л.; 2) наполовину, пополам с чем-л. другим; 3) не совсем, не до конца, почти’ [23, т. 3, с. 270]. Таким образом, слово *полуголенькая* означает ‘наполовину лишенная одежды’.

(21) – Как это... уработаю? – глупо переспросила Ирина Ивановна,

– Я получил *аванец*... я его должен отработать. – Не знал Спирыка, когда произойдет, но придет он сюда однажды – спокойный, красивый, нарядный – скажет: «Я пришел платить».

<...>

– Какой аванс? – все никак не могла понять Ирина Ивановна. – У кого взяли?

– Он мне будет мстить. Отомстит, – пояснил учитель. – Хорошо, Спиридон, я принял к сведению. – Учитель взял себя в руки. – Мы никому ничего не расскажем.

Слова *аванец* в МАС и ТСОШ нет. На основании морфологического показателя – принадлежности данного агнонима к категории существительных – его смысл может восприниматься как ‘некий предмет’. Его смысл может быть понят под влиянием макроконтэкстного и фонетического показателей. Читатели усмотрят в данном фрагменте фразу ‘Я получил *аванец*... я его должен отработать’ – *аванец* означает ‘то, что нужно отработать’. Далее в следующем разделе появится слово *аванс*, выражающее тот же смысл, что и слово *аванец*. Кроме того, слова *аванец* и *аванс* похожи друг на друга по фонетическому признаку. Итак, смысл данного агнонима может быть понят как содержание слова *аванс* – ‘деньги, выдаваемые вперед в счёт заработка, причитающихся кому-н. платежей’ [16, с. 14].

Заключение

Все сказанное позволяет утверждать, что читатели способны к восприятию смыслов русских агнонимов без словарей: по мере чтения смысл каждого из агнонимов может постепенно уточняться в сознании получателей под влиянием взаимодействия морфологических, синтаксических, словообразовательных, контекстных и фонетических показателей. Лишь в редких случаях понимание смыслов агнонимов требует обязательного обращения к толковым словарям. Полученные результаты проливают свет на закономерности процесса восприятия сложных для читателей текстов различной тематики, а также на механизм расширения словарного запаса носителей русского языка как родного и как иностранного.

Список литературы

1. Савина Е.О. Тайный язык охотников в романе «Война и мир» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010. С. 327–331.
2. Морковкина А.В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
3. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
4. Буряк Н.Ю. Проблемы агнонимии в культуре языковой личности // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 1. С. 54–56.
5. Котцова Е.Е. Агнонимы как объект языковой рефлексии в текстах современной периодики // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 82–90.
6. Мандрикова Г.М. Агнонимия как нарушение лексико-семантической нормы (анализ учебников «Русский язык и культура речи») // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 188–192.
7. Мандрикова Г.М. Агнонимия как коммуникативная проблема // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. Вып. 4. С. 236–245.
8. Молчанова Н.С. Агнонимичная лексика в текстах художественных произведений и проблема ее восприятия // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 230–236.
9. Норман Б.Ю. Коммуникация без понимания // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 4–14.
10. Савина Е.О. Агнонимы в языке и тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. № 2. 2014. С. 291–295.
11. Черняк В.Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. М.: Азбуковник, 2003. С. 295–304.
12. Черняк В.Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: К основаниям коммуникативных неудач // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 96–100.
13. Федосюк М.Ю., Чжан Сяо. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 79–88.
14. Лопатин В.В. Грамматическое значение // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
15. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: ЛЕНАНД, 2016.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.
17. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980.

18. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
19. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967. 338 с.
20. Норман Б.Ю. Значение слова и смысл предложения: Семантический компромисс в ходе восприятия текста // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4: Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. I. Łuczaków i J. Sokołowskiego*. Wrocław, 2004. S. 203–209.
21. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
22. Федосюк М.Ю. Молодежное аргю в романе Энтони Берджесса «Заводной апельсин» // *Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию профессора Л.Л. Касаткина: Сборник научных статей / ИРЯ РАН*. М., 1998. С. 337–347.
23. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.
24. Словарные агнонимы русского языка / Под ред. Я. Вавжинчика. Вып. 1. Warszawa, 2007.
25. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М.: Наука, 1980.

THE MEANINGS OF UNKNOWN WORDS IN V. SHUKSHIN'S SHORT STORY «SURAZ»

Zhang Xiao

The purpose of the article is to consider the mechanism of the reader's perception of the meanings of unfamiliar words (agnonyms) when perceiving texts. In the course of the work, it was found that readers are capable of perceiving the meanings of Russian agnonyms without dictionaries: when they reading texts, the meaning of each of the agnonyms can be gradually refined in the minds of the recipients under the influence of the interaction of morphological, syntactic, word-formation, contextual and phonetic indicators.

Keywords: Russian unknown words; indicators of meanings of unknown words; morphological indicators; syntactic indicators; word-formation indicators; contextual indicators; phonetic indicators.

References

1. Savina E.O. The secret language of hunters in the novel «War and Peace» // *News of Tula State University. Humanities. Issue 2*. Tula: TulSU Publishing House, 2010. P. 327–331.
2. Morkovkina A.V. Russian agnonyms in theoretical and applied consideration: Abstract. dis. ... Candidate of Philology. M., 1993.
3. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russian agnonyms (words we don't know). M., 1997.
4. Buryak N.Yu. Problems of agnonymy in the culture of a linguistic personality // *Cultural life of the South of Russia*. 2015. № 1. P. 54–56.
5. Kottsova E.E. Agnonyms as an object of linguistic reflection in the texts of modern periodicals // *Bulletin of the Northern (Arctic) State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2019. № 4. P. 82–90.
6. Mandrikova G.M. Agnonymy as a violation of lexico-semantic norms (analysis of textbooks «Russian language and culture of speech») // *News of PGPU named after V.G. Belinsky*. 2011. № 23. P. 188–192.
7. Mandrikova G.M. Agnonymy as a communicative problem // *Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University*. 2011. Issue 4. P. 236–245.
8. Molchanova N.S. Agnonymic vocabulary in the texts of works of art and the problem of its perception // *Bulletin of Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*. 2014. № 5. P. 230–236.
9. Norman B.Yu. Communication without understanding // *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of creativity*. 2014. № 1. P. 4–14.
10. Savina E.O. Agnonyms in language and text // *News of Tula State University. Humanities. Issue № 2*. 2014. P. 291–295.
11. Chernyak V.D. Agnonyms in the lexicon of a linguistic personality as a source of communicative failures // *Russian language today. Issue 2*. M.: Azbukovnik, 2003. P. 295–304.
12. Chernyak V.D. «Risk zones» in the lexicon of a linguistic personality: On the grounds of communicative failures // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanities (Philology)*. 2005. Issue 3 (47). P. 96–100.
13. Fedosyuk M.Yu., Zhang Xiao. Indicators of the meanings of words used in the text // *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*. 2021. Vol. 80. № 6. P. 79–88.
14. Lopatin V.V. Grammatical meaning // *Russian language: Encyclopedia / Under the general ed. A.M. Moldovan*. M.: AST-PRESS SCHOOL, 2020.
15. Plungyan V.A. General morphology: An Introduction to problems. M.: LENAND, 2016.
16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: AZ, 1995.
17. Russian Grammar / Editor-in-chief N.Y. Shvedova. Vol. 1. M.: Science, 1980.
18. Kolshansky G.V. Contextual semantics. M.: Science, 1980.
19. Zvegintsev V.A. Theoretical and applied linguistics. M.: Prosveshchenie, 1967. 338 p.
20. Norman B.Yu. The meaning of the word and the meaning of the sentence: Semantic compromise in the course of text perception // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4: Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. I. Łuczaków i J. Sokołowskiego*. Wrocław, 2004. P. 203–209.
21. Uspensky B.A. Semiotics of art. M.: School «Languages of Russian culture», 1995. 360 p.
22. Fedosyuk M.Y. Youth argot in Anthony Burgess's novel «A clockwork orange» // *Language: variability and constancy. To the 70th anniversary of Professor L.L. Kasatkin: Collection of scientific articles / IRYA RAS*. M., 1998. P. 337–347.
23. Dictionary of the Russian language / Edited by A.P. Evgenieva. In 4 v. M.: Russian language, 1981–1984.
24. Dictionary agnonyms of the Russian language / Edited by Ya. Vavzhinchik. Issue 1. Warszawa, 2007.
25. Russian Grammar / Editor-in-chief N.Y. Shvedova. Vol. 2. M.: Science, 1980.